

Ци Юй нахмурился, бросил на него косой взгляд, а затем вдруг усмехнулся:

— Ну раз так, иди и пригласи сюда заодно и Пятого принца.

Шэнь Чжэн тут же прикусил язык. Если его племянник, с которым он и так не был близок, узнает, что он позволил Ци Юю встретиться с женщиной, не разнесет ли он в щепки его Чжундуфу? Ох, нет, и Генеральскую резиденцию заодно.

— Эй! Пстой! — Шэнь Чжэн окликнул стражника, нарочито сердито добавив: — Чжундуфу — место для службы, разве сюда можно пускать кого попало?! Живо иди и выводи её!

— ...Слушаюсь. — Стражник, ни за что ни про что получив нагоняй, поспешно развернулся и убежал.

Наступило лето, и несколько софоров у входа в Чжундуфу стали отличным местом, чтобы укрыться от зноя.

Когда Ци Юй проходил мимо ворот, его окликнули, передав, что Пятый принц прислал гостинец и велел вручить его лично второму молодому господину Ци.

Ци Юй подошел и увидел, что гостинцем оказались два огромных, идеально круглых арбуза, охлажденных во льду.

Посланец улыбнулся:

— Его Высочество сказал, что плохо переносит жару, а без встречи с вами, второй молодой господин Ци, кусок в горло не лезет. Поэтому он прислал арбузы, чтобы вы вспомнили о его доброте.

Ци Юй: «...»

Не виделись всего несколько дней, а он снова принялся за своё.

Ци Юй кивнул:

— Понял. Вернись и поблагодари от меня Его Высочество.

— Слушаюсь. Держите, второй молодой господин Ци, а я пойду доложу о выполнении.

Ци Юй хмыкнул и, подхватив по арбузу в каждую руку, вошел в Чжундуфу.

Шэнь Чжэн первым подскочил к нему — остальные не решались отбирать угощение у капитана Ци.

— Нарезьте и раздайте всем, погода слишком жаркая, пусть охлаждаются, — с улыбкой добавил Ци Юй. — И не забудьте упомянуть, что это подарок Пятого принца, пусть все помнят о его

милости.

Шэнь Чжэн ни на секунду не поверил, что это милость Се Чжаньи. Он был уверен, что эти арбузы предназначались лично для Ци Юя.

Офицеры радостно сгрудились вокруг; даже те, кто был не в ладах с Ци Юем, сейчас благодарили его вполне искренне.

Шэнь Чжэн поравнялся с Ци Юем и понизил голос:

— Я выяснил, откуда пришел один из убийц. Мне полагается пара кусков.

— Вы же Великий генерал, даже если съедите целый поднос, никто слова не скажет.

Шэнь Чжэн проигнорировал подколку:

— Се Ми уже наладил связь с Великим маршалом Чжаном. Скорее всего, он хочет показаться на глаза императору Лунсиню и смягчить их отношения отца и сына.

Император Лунсинь сейчас пребывал в помрачении рассудка, и если Се Ми проявит к нему достаточно сыновней почтительности, не исключено, что появится еще один претендент на престол.

Впрочем, Ци Юя не волновало, кто победит в борьбе за трон. Ему было важно лишь одно — чтобы Се Чжаньи остался жив.

Офицер нарезал арбуз. Ледяные ломтики покрылись капельками влаги, выглядя невероятно освежающими. Ци Юй взял поднос и протянул его Шэнь Чжэну:

— Генерал Шэнь, здесь больше двух кусков.

Шэнь Чжэн потер свою аккуратно подстриженную щетину:

— Человек не должен быть жадным. Двух кусков хватит.

Ци Юй опустил голову, едва заметно улыбнувшись. Вдруг издалека донеслось что-то неладное. Ци Юй даже не успел поднести кусок арбуза ко рту, как поднял глаза и увидел Чэнь Чжуна. Тот бежал к ним, обливаясь потом от невыносимой жары, но лицо его было бледным.

Непонятно, от бега ли, но бледность была пугающе неестественной.

Ци Юй открыл рот, но слова «дядюшка Чжун» застряли в горле, когда он услышал полный скорби голос Чэнь Чжуна:

— Старший господин... погиб на границе!

Ци Юй замер. Что это значит? Ци Юньцзюэ погиб?

Как такое возможно?

Такой важный персонаж, как Ци Юньцзюэ, не мог просто умереть!

Глаза Ци Юя широко распахнулись. Вероятно, от шока его зрачки сузились, а на лице застыло полное неверие.

Ноги Чэнь Чжуна подкосились, Ци Юй поспешно отбросил арбуз и подхватил его:

— Канцлер велел мне просить второго молодого господина вернуться...

Ци Юй почувствовал, как голова закружилась, а взгляд стал расфокусированным. Он услышал собственный голос, хриплый, едва различимый, словно выдавленный из самой глубины горла:

— Хорошо. Вернусь. Сейчас же вернусь.

Шэнь Чжэн с помрачневшим лицом поднялся:

— Я провожу тебя.

— Не нужно. Проводи дядюшку Чжуна, — бросил Ци Юй, выбежал наружу, на ходу вскочил на коня и во весь опор помчался к резиденции канцлера.

Ци Инь сидел в главном зале. Он опустил голову, нахмутив брови. В комнате не было ни души, он сидел в полном одиночестве, и даже его фигура казалась пронизанной безысходностью.

Ци Юй вошел внутрь и глухо спросил:

— Отец, старший брат... правда погиб?

Ци Инь разжал губы и поднял взгляд на сына:

— Отец не верит, что Юньцзюэ погиб. А-Юй, и ты не верь.

— Но дядюшка Чжун сказал...

— Он лишь получил известие. Живого — видеть, мертвого — опознать. Отец не видел тела, — упрямо повторил Ци Инь. — Поэтому я не верю.

Ци Юй не знал, сколько в этих словах было самообмана.

Так или иначе, в резиденции канцлера отказывались признавать случившееся и проводить траурную церемонию.

Се Чжаньи знал, что в последние дни Ци Юй не в духе, поэтому перестал настаивать на визитах во дворец. Он часто задерживался до глубокой ночи, а потом перелезал через стену в резиденцию, чтобы просто взглянуть на Ци Юя.

Первые несколько раз в спальне Ци Юя было темно, и Се Чжаньи стоял у окна, а затем уходил.

Но сегодня, придя, он увидел, что в спальне горит свет.

Он снова замер у окна, колеблясь, стоит ли войти.

Ци Юй тихо произнес:

— Входи через дверь.

Одной этой фразы было достаточно, чтобы Се Чжаньни понял: в те прошлые разы Ци Юй не спал. Он всё знал.

Се Чжаньни с беспокойством на лице обошел дом и толкнул дверь.

Ци Юй несколько дней не мог уснуть, белки его глаз покраснели. Увидев входящего Се Чжаньни, он попытался выдавить улыбку:

— Почему ты каждый день лазишь через стены?

— Волнуюсь за тебя. — Се Чжаньни пристально смотрел на лицо Ци Юя. Ему было больно видеть, как страдает его любимый, и от этого его собственное прекрасное лицо тоже осунулось.

— С границы пришло много вестей. В последнем сражении понесены тяжелые потери, вся конница уничтожена, местонахождение Чжоу Линя неизвестно. — Се Чжаньни не упомянул Ци Юньцзюэ, но, судя по количеству жертв, тот, скорее всего, действительно погиб.

[Твой эмоциональный порог остается критически низким уже несколько дней.] Внезапно подала голос Система. [Ты должен научиться принимать утрату.]

[Неудивительно, что после начала событий истории о Ци Юньцзюэ не было ни слова. Оказалось, он умер.] В душе Ци Юя стало пусто, навалилось странное одиночество.

[Тебя ждет та же участь. В дворцовом перевороте фраза о тяжелых потерях перечеркнет всю твою жизнь.] Система безжалостно учила его отстраняться. [Ты не можешь долго тонуть в эмоциях этого мира. Ты здесь лишь для выполнения задания, не принимай всё слишком близко к сердцу. Ты еще помнишь, что твоей первоначальной целью было заработать баллы на покупку дома?]

Ци Юй словно очнулся, его тело на мгновение одеревенело.

Он провел здесь так много лет, что почти забыл, что на самом деле не является вторым молодым господином семьи Ци.

Он жил здесь слишком искренне, настолько, что почти растворился в этом мире. Если бы не напоминание Системы, он не знал, не впал бы в глубокую депрессию, которая свела бы его в могилу.

Ци Юй почувствовал, как его обняли. Грудь Се Чжаньни была горячей, слышалось тяжелое сердцебиение.

Се Чжаньи прижал его к себе, повторяя привычку самого Ци Юя — поглаживая по спине. Его ладонь скользила по худому телу, ощущая каждый позвонок. Се Чжаньи молчал, позволяя Ци Юю просто опираться на него.

Его объятия были теплыми и надежными, дарящими покой.

Се Чжаньи не знал, как долго он так стоял, рука уже затекла, но человек в его объятиях крепко прижался к нему.

Ци Юй уснул.

После стольких бессонных дней он был крайне измотан и сейчас, прильнув к груди Се Чжаньи, дышал ровно и глубоко.

Се Чжаньи не смел пошевелиться, выпрямив спину, чтобы Ци Юю было удобно. Он слегка опустил взгляд, глядя на профиль Ци Юя, и его боль в сердце почти обрела физическую форму.

Се Чжаньи тоже не спал последние два дня, но сейчас, держа в руках Ци Юя, он не смел расслабиться ни на миг.

В Чжундуфу некоторые посмеивались над резиденцией канцлера. Эти два дня Ци Юй не появлялся, и кое-кто из офицеров втихомолку говорил, что лучшие времена для семьи канцлера прошли: старший господин погиб, скоро придет черед второго.

Услышав это, Се Чжаньи помрачнел. Не скрывая своего гнева, он той же ночью, при свете луны, выследил тех болтунов и пронзил их мечом.

Он не собирался запугивать остальных, чтобы они молчали — он даже поощрял их болтовню. Но стоило кому-то хоть словом задеть Ци Юя, как на следующее утро их головы оказывались отдельно от тел.

Ци Инь пришел в себя лишь позавчера и вернулся к управлению государственными делами.

Хотя сторонние наблюдатели восхищались стойкостью канцлера, который, пережив смерть сына, через пару дней снова взялся за дела, только Ци Юй знал, что Ци Инь перенес свою работу в кабинет Ци Юньцзюэ и иногда оставался там на всю ночь.

Дело Ци Юньцзюэ стало в доме запретной темой, ибо Ци Инь всё еще упорно твердил: нет тела — нет похорон.

Прошел месяц. Известий о Ци Юньцзюэ не было, но пришло письмо, написанное им еще до катастрофы.

Ци Юй дрожащими руками пытался его распечатать, но не мог.

Обычно длинное, страниц на десять, письмо теперь содержало лишь одну фразу: «Брат скоро вернется в столицу. По возвращении я разберусь с тем, что ты написал Чжоу Линю».

Одна эта фраза заставила Ци Юя разрыдаться.

Ци Юньцзюэ, ты ведь уже не вернешься...

Ци Юньцзюэ, ты остался на границе навсегда.

Шэнь Чжэн лично нанес визит в резиденцию канцлера, чтобы вкратце обрисовать ситуацию.

Император Лунсинь был при смерти, жить ему оставались считанные дни. Принцы зашевелились. Хотя Се Чжань был их общим врагом, Се Чэнфэн был для них куда большей занозой в глазу — все жаждали свергнуть наследного принца.

Как только император Лунсинь умрет, Се Чэнфэн по праву займет трон. Никого это не устраивало, поэтому принц оказался в кольце врагов, в безвыходном положении.

Императрица Цзя, чтобы спасти жизнь сына, вынудила его совершить ошибку в государственных делах. Император Лунсинь использовал это как предлог, чтобы лишить Се Чэнфэна статуса наследника.

Теперь в Поднебесной воцарился настоящий хаос.

Все жадно смотрели на трон, и если бы не исчезновение Чжоу Линя, в эту свалку добавился бы еще один «родственник по материнской линии».

В столь напряженный момент Се Чжань, вопреки логике, нагло пригласил Ци Юя на прогулку.

Ци Юй лишился дара речи. Он сам ходил как на иголках, боясь, что из тени вылетит стрела, предназначенная Се Чжань, а тот, наоборот, вознамерился прогуляться по городу.

Ци Юй не смог ему отказать и пошел следом, чтобы защитить.

От восточных ворот до западных переулков — Се Чжань накопил кучу украшений: головные уборы, серьги, броши, нефритовые подвески...

Он примерял каждое, словно девица, и каждый раз поворачивался к Ци Юю с вопросом, красиво ли это.

Ци Юй всегда отвечал: «Красиво».

Се Чжань тихо смеялся и всё покупал.

Когда лавочник упаковал украшения в ларец, Се Чжань вдруг произнес:

— Как бы хороши ни были эти побрякушки, они не сравнятся с той серебряной шпилькой, что подарил мне когда-то второй брат Ци.

— М? — Ци Юй понизил голос и прошептал ему на ухо: — Говоря такое здесь, будь осторожен, а то лавочник возьмет метлу и погонится за тобой.

Се Чжань звонко рассмеялся. До этого он слегка наклонился, чтобы пошептать с Ци Юем, а теперь выпрямился. Его изящное, как нефрит, лицо сияло улыбкой, а стройная, высокая фигура приковывала взгляды проходящих мимо девушек.

Се Чжаньи внезапно перестал улыбаться и мрачно зыркнул на одну из девушек.

Ци Юй не знал, что Се Чжаньи улыбался только для него, и решил, что тот с чего-то вдруг решил сорвать злость на ни в чем не повинной девице.

Когда лавочник протянул товар, Ци Юй, которому стало неловко, поспешно утащил Се Чжаньи из лавки. Се Чжаньи выглядел обиженным:

— Моя улыбка была некрасивой?

Ци Юй: «...»

— Красивой.

— Тогда почему ты не засмотрелся?

Что за вопросы?

— В детстве второй брат Ци больше всего любил смотреть на мое лицо, разве не так?

Ци Юй почувствовал себя так, словно в детстве поддразнивал ребенка, а теперь, когда тот вырос, от него требуют ответственности.

— Красиво, А-И с самого детства всегда был красив, — честно ответил Ци Юй.

Его лицо по-прежнему оставалось ослепительно прекрасным, кожа — прозрачно-белой, щеки слегка порозовели, а в черных, как смоль, красивых глазах блестела влага...

Се Чжаньи не выглядел счастливым. Он небрежно бросил ларец с украшениями слуге, совершенно потеряв к ним интерес.

Ци Юй, смирившись, попытался успокоить его:

— А-И, ты же знаешь, я не умею лгать. Ты правда очень хорош собой, рядом с тобой любой померкнет.

Се Чжаньи, несмотря на свой высокий рост, втиснулся в объятия Ци Юя — двое мужчин, обнимающихся посреди улицы, несомненно, привлекали внимание.

— Говорят, если человек совершает много зла, его внешность меняется. Я не хочу меняться...

Наконец-то стала понятна истинная цель сегодняшней прогулки. Он боялся потерять свою красоту.

Ци Юй, как всегда, зацепился за не то:

— Кто сказал, что ты совершил много зла?

— Больше никому.

Ци Юй мгновенно понял: все, кто говорил о нем плохо, были убиты.

— Раз никому, о чем ты беспокоишься? Ты самый красивый, и второго такого нет. — Ци Юй утешал его, пытаясь отстраниться — взгляды прохожих жгли, словно иглы.

Се Чжаньи тоже не хотел беспокоиться, но всякий раз вспоминал, как Ци Юй смотрел на его лицо, замороженный, и это заставляло его бояться, что красота может увянуть.

Они всё еще препирались посреди улицы, когда их прервал внезапно появившийся Шэнь Чжэн.

Приближалось начало основных событий истории, дни стояли дождливые.

На улицах стало вдвое меньше людей. Ци Юй под зонтом проходил мимо торговца соевым молоком и не сразу заметил, кто его окликнул.

Он приподнял зонт и увидел, что под соседним зонтом стоит Пэй Юй.

На нем был темно-зеленый халат, в руках — простой зонт, а черные глаза спокойно смотрели на Ци Юя.

Неудивительно, что Ци Юй его не узнал: они не были близки, а после того, как он перестал быть компаньоном Се Чжаньи, они и вовсе не виделись.

Теперь они были кем-то вроде коллег: Пэй Юй благодаря отцу получил должность чиновника шестого ранга, что было чуть выше, чем у Ци Юя, который все эти годы оставался младшим офицером.

Они были из разных миров.

Пэй Юй поднял миску с соевым молоком:

— Господин Ци, не хотите ли выпить?

Ци Юй понял, что тот хочет поговорить, и решил подыграть:

— Давайте.

— Тогда я угощаю, — ответил Пэй Юй.

Две медные монеты легли на стол, и они вошли под навес лавки.

Соевое молоко было горячим. Ци Юй подул на него, но не смог сделать ни глотка. Подняв глаза, он увидел, что Пэй Юй уже спокойно пьет, не боясь обжечься.

Ци Юй поставил миску на стол и начал разговор:

— Господин Пэй часто здесь бывает?

— Нет, — холодно ответил Пэй Юй. — Я здесь впервые.

Подразумевалось, что он специально ждал его на пути в Чжундуфу.

После такого начала разговор потек гладко.

— Вы, должно быть, слышали, что Его Высочество... лишился титула?

— Да.

Пэй Юй все эти годы следовал за Се Чэнфэном, и под «Его Высочеством» он мог иметь в виду только его.

— Я в замешательстве. Не хочу больше быть его советником. Раньше я был вынужден общаться с ним из-за отца и его положения... Теперь у него нет статуса, и я думал, что свободен. Но в тот день он свернулся калачиком в моих объятиях и рыдал, не в силах остановиться... мне стало его жаль.

Пэй Юй был в смятении, его густые брови сошлись на переносице:

— У вас всегда были хорошие отношения с Пятым принцем, но он жесток, беспощаден и переменчив. Неужели у вас никогда не возникало желания бросить его?

Честно говоря, Ци Юй никогда не думал о том, чтобы бросить Се Чжань.

Ни как объект задания, ни как человека — у него никогда не было таких мыслей.

— А-И не такой, как ты говоришь, — сначала возразил Ци Юй, а затем спокойно спросил: — Почему ты хочешь уйти от своего принца?

— Наверное... потому что я неверен. — Пэй Юй опустил глаза, избегая взгляда Ци Юя. — Признаю, он не сделал мне ничего плохого, но я всегда чувствовал, что для него я — лишь вещь, которую можно выбросить. Столько лет прошло, а я всё еще... всё еще завидую вам, господин Ци. У вас есть мудрый правитель, поэтому вы можете быть верным слугой. Но он — не мой правитель, как я могу быть ему верен?

— Всё не так. Ты говоришь о неверности, но с самого начала не сказал ни слова о его личных делах. Он столько лет был наследником, я не верю, что у него нет хитрости, но ты не предал его ни в чем. Даже ни крупницы политических новостей не рассказал мне. — Ци Юй смягчил тон. — Ты просто недоволен. Недоволен тем, что, отдав ему столько лет жизни, ты не получил таких отношений, как у нас с А-И.

— Не все отношения между правителем и слугой такие, как у нас. Пэй Юй, ты ослеплен. В детстве, видя в академии, как мы общаемся, ты решил, что так должно быть у всех. Но почему ты не посмотришь на слуг Первого или Шестого принцев? Какая участь ждет их?

— Человек должен знать меру, — помрачнев, напомнил Ци Юй. — Главный грех слуги — неверность. Пэй Юй, подумай сам.

Сказав это, Ци Юй встал и, не оглядываясь, ушел под дождем.

Однако вскоре после его ухода за столик Пэй Юя подсел другой человек. Его голос был холодным, с оттенком предупреждения:

— Я же говорил, что ты не такой, как он. Зачем было устраивать этот спектакль и позориться?

Пэй Юй медленно повернулся к Се Чэнфэну. Дождь барабанил по навесу...

Пэй Юй долго молчал, а затем язвительно произнес:

— Разве не ты хотел, чтобы я пришел и спросил? Ну что, теперь, когда знаешь ответ, доволен?

Се Чэнфэн нахмурился. Его темные глаза медленно скользнули по Пэй Юю. Ему не нравилась эта дерзость. Лицо принца было мрачным и зловещим:

— Я не просил тебя спрашивать об этом. Не переходи границы, Пэй Юй.

Пэй Юй смотрел на Се Чэнфэна, почти демонстративно. На его слабом, интеллигентном лице проступила злоба, и он прошептал, наполняя слова ядом:

— Ты не просил, но и не остановил меня, когда я уходил, правда?

<http://bllate.org/book/21529/2211192>